ПРЕДЕЛЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Абдуллаева Наргиза Отабек кизи
Магистр направления «Кибер право»
Ташкентский государственный юридический университет
E-mail: nargizabdullayeva25@gmail.com

Аннотация. *В тезисе рассматривается вопрос о наличии правовых оснований для признания искусственного интеллекта субъектом права. Прослежена историческая эволюция категории правосубъектности и показана условность понятия «интеллект» применительно к технологиям, которые лишь имитируют когнитивные функции человека. Изучена зарубежная практика определения круга субъектов права: дела о признании системы DABUS изобретателем и Thaler v. Perlmutter, а также наделение правосубъектностью природных объектов и животных. Установлено, что все известные правовые фикции производны от воли человека. Анализ правоспособности, дееспособности и деликтоспособности показал, что ИИ лишён воли и способности к осознанию противоправности своих действий. Поэтому признание его «электронным лицом» не имеет правовых оснований и создаёт риск уклонения людей от ответственности. Сделан вывод о том, что ИИ остаётся объектом права, а охрана результатов, созданных с его использованием, должна основываться на творческом вкладе человека.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосубъектность, электронное лицо, цифровая личность, правовая фикция, деликтоспособность, антропоцентризм права.*

Annotatsiya. *Tezisda sun’iy intellektni huquq subyekti sifatida tan olish uchun huquqiy asoslar mavjudligi masalasi ko‘rib chiqiladi. Huquq subyektligi kategoriyasining tarixiy evolyutsiyasi kuzatilgan hamda inson kognitiv funksiyalarini faqat taqlid qiluvchi texnologiyalarga nisbatan «intellekt» tushunchasining shartliligi ko‘rsatilgan. Huquq subyektlari doirasini belgilash bo‘yicha xorijiy amaliyot o‘rganilgan: DABUS tizimini ixtirochi deb tan olish to‘g‘risidagi ishlar va Thaler v. Perlmutter ishi, shuningdek tabiiy obyektlar va hayvonlarga huquq subyektligi berilishi. Barcha ma’lum huquqiy fiksiyalar inson irodasidan kelib chiqishi aniqlangan. Huquq layoqati, muomala layoqati va delikt layoqatining tahlili sun’iy intellekt iroda hamda o‘z harakatlarining g‘ayriqonuniyligini anglash qobiliyatidan mahrum ekanligini ko‘rsatdi. Shu sababli uni «elektron shaxs» deb tan olish huquqiy*

asosga ega emas va odamlarning javobgarlikdan qochishi xavfini tug‘diradi. Sun’iy intellekt huquq obyekti bo‘lib qolishi, uning yordamida yaratilgan natijalarni muhofaza qilish esa insonning ijodiy hissasiga asoslanishi lozim degan xulosaga kelingan.

Kalit so‘zlar: *sun’iy intellekt, huquq subyektligi, elektron shaxs, raqamli shaxs, huquqiy fiksiya, delikt layoqati, huquq antroposentrizmi.*

Abstract. *The paper examines whether there are legal grounds for recognising artificial intelligence as a subject of law. It traces the historical evolution of legal personhood and shows that the notion of "intelligence" is conditional when applied to technologies that merely imitate human cognitive functions. The paper reviews foreign practice on defining the range of legal subjects, including the cases on recognising the DABUS system as an inventor, Thaler v. Perlmutter, and the granting of legal personhood to natural objects and animals. It establishes that all known legal fictions derive from human will. An analysis of legal capacity, capacity to act and capacity for tort liability shows that AI lacks will and the ability to be aware of the wrongfulness of its actions. Recognising it as an "electronic person" therefore has no legal basis and risks allowing humans to evade liability. The paper concludes that AI remains an object of law and that protection of results created with its use should be based on human creative contribution.*

Keywords: *artificial intelligence, legal personhood, electronic person, digital identity, legal fiction, capacity for tort liability, anthropocentrism of law.*

I. Введение.

Развитие цифровых технологий изменило традиционные представления о субъекте права и формах выражения личности в виртуальной среде. В научный оборот всё чаще входят понятия «цифровая личность», «цифровой профиль», «цифровой след», «цифровой аватар». Они отражают новые способы идентификации, коммуникации и самовыражения человека, однако их появление ещё не означает возникновения нового субъекта права. Как показывает В.О. Демкин, цифровая личность есть лишь правовое отражение реального человека в цифровой среде и связана прежде всего с его правами в цифровом мире[1]. Иначе обстоит дело с искусственным интеллектом. В отличие от цифровой личности, он не отражает человека, а действует наряду с ним. ИИ представляет собой самостоятельную технологическую систему, которая непосредственно участвует в процессах деятельности: создаёт тексты и изображения, принимает решения,

[1] Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 512–527.

выполняет задачи, прежде доступные лишь человеку. При этом ему приписывается «интеллект» — качество, которое традиционно считалось исключительной принадлежностью человека и наличие которого у машины само по себе остаётся под вопросом. Именно здесь и возникает проблема, которую принято считать одной из наиболее острых в юридической теории XXI века: может ли созданная человеком интеллектуальная система рассматриваться не только как инструмент, но и как самостоятельный участник правоотношений?

Масштаб происходящих изменений хорошо иллюстрирует известная метафора: если представить историю Земли как один год, то человечество существует в нём около минуты, а искусственный интеллект не прожил и одной секунды[2]. Однако за это короткое время дискуссия о его правовом статусе вышла за рамки теории. Наиболее остро она проявляется в сфере интеллектуальной собственности, где генеративные системы непосредственно участвуют в создании результатов, а трансграничный характер технологий требует согласованных подходов. **Цель исследования** — на основе анализа исторического опыта, зарубежной практики и теоретической конструкции правосубъектности определить, существуют ли правовые основания для признания искусственного интеллекта субъектом права, прежде всего в сфере авторского права.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

-проследить эволюцию категории правосубъектности и выяснить, насколько обоснованно понятие «интеллект» применительно к технологиям ИИ;

-изучить зарубежную практику определения круга субъектов права, включая случаи, когда ИИ заявлялся в качестве изобретателя или автора, а также наделение правосубъектностью природных объектов и животных;

-проанализировать применимость к ИИ каждого из элементов правосубъектности: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности;

-на этой основе оценить обоснованность онтологического и инструментального подходов к «электронному лицу».

II. Методы исследования.

В работе использованы историко-правовой метод, позволивший проследить эволюцию категории правосубъектности, и сравнительно-правовой метод, применённый к анализу законодательства и судебной практики США, Великобритании, Австралии, Европейского союза, Новой Зеландии, Индии и Республики Узбекистан. Формально-юридический метод использован при

[2] Brown R.D. Property ownership and the legal personhood of artificial intelligence // Information & Communications Technology Law. – 2021. – Vol. 30. – No. 2. – P. 208–234.

анализе Гражданского кодекса и Закона «Об авторском праве и смежных правах» Республики Узбекистан. Системный подход позволил рассмотреть правосубъектность ИИ через каждый из её элементов: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность.

III. Результаты исследования.

Обращение к истории показывает, что правосубъектность никогда не была естественной и универсальной категорией. В римском праве статус лица признавался лишь за определёнными категориями людей, тогда как рабы считались вещами. Показательно, однако, что раб мог участвовать в имущественном обороте, управляя выделенным ему пекулием, то есть действовать в праве, не будучи его субъектом. Всеобщая правосубъектность человека утвердилась лишь в Новое время и получила международное закрепление во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, провозгласившей, что все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах (ст. 1) и каждый имеет право на признание его правосубъектности (ст. 6)[3]. Именно на этом основании человек стал смысловым центром современных правовых систем.

Спорность правового статуса ИИ начинается уже с определения самого понятия. Термин «искусственный интеллект», предложенный Дж. Маккарти в 1956 году, до сих пор не имеет универсального определения[4]. В документах ВОИС этот термин используется в двух значениях. В широком смысле под ним понимается область информатики, направленная на создание систем, способных выполнять задачи, требующие участия человеческого разума, а в узком смысле — системы, основанные на машинном и глубоком обучении[5]. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами его интеллектуальной деятельности (ст. 3)[6]. Ключевым словом здесь является «имитировать». Как отмечают С. Рассел и П. Норвиг, механизм естественного интеллекта до сих пор остаётся во многом непознанным[7]. Отсюда возникает философский парадокс: правомерно ли наделять субъектностью систему,

[3] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Lex.uz.
[4] McCarthy J., Minsky M., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. – August 31, 1955.
[5] Revised Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence: WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 Rev. – Женева: ВОИС, 2020.
[6] Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» от 11 декабря 2003 года № 560-II // Lex.uz.
[7] Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход: в 3 т. / пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Вильямс, 2021.

которая лишь имитирует механизм, природа которого неизвестна даже самому человеку?

Вопрос перешёл и в практическую плоскость. В деле системы DABUS, указанной Стивеном Талером в качестве изобретателя в патентных заявках в ряде стран, суды США и Великобритании, а также Европейское патентное ведомство отказали в регистрации, подтвердив, что изобретателем может быть только человек[8]. Исключением стало решение Федерального суда Австралии 2021 года. Судья Джонатан Бич признал DABUS изобретателем, сославшись на отсутствие в законе исчерпывающего определения этого понятия и на цель патентного права — стимулирование инноваций. Ему принадлежит резонансная фраза: «Мы сами являемся одновременно и творениями, и творцами. Почему же наши творения не могут творить?»[9] Однако уже в 2022 году Полный состав Федерального суда отменил это решение[10]. Аналогичную позицию в сфере авторского права занял Апелляционный суд США по округу Колумбия в деле *Thaler v. Perlmutter*, указав, что закон об авторском праве предполагает автора-человека[11]. В Республике Узбекистан тот же принцип прямо закреплён в статье 3 Закона «Об авторском праве и смежных правах», признающей автором физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение[12].

Однако суды в этих делах опирались главным образом на буквальное толкование закона. Поэтому сторонники правосубъектности ИИ указывают, что законодатель вправе расширить круг субъектов, как он уже не раз делал прежде. Действительно, гражданское законодательство Узбекистана, связывая правоспособность гражданина с рождением и смертью (ст. 17 ГК), одновременно допускает фикцию юридического лица (ст. 41 ГК)[13]. Зарубежная практика идёт ещё дальше. В Новой Зеландии Законом 2017 года о Те-Ава-Тупуа юридическим лицом признана река Уонганui[14]. В Индии Высокий суд штата Уттаракханд в деле *Mohd. Salim v. State of Uttarakhand* признал аналогичный статус за реками Ганг и Ямуна[15], хотя впоследствии это решение было приостановлено

[8] Всемирная организация интеллектуальной собственности. The Artificial Inventor Project // WIPO Magazine. – 2020. – № 4.
[9] Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879: decision of Federal Court of Australia, 30 July 2021.
[10] Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62: decision of the Full Court of the Federal Court of Australia, 13 April 2022.
[11] Thaler v. Perlmutter, No. 23-5233 (D.C. Cir. Mar. 18, 2025) // Official Website of the U.S. Copyright Office.
[12] Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» от 20 июля 2006 г. № ЗРУ-42 // Lex.uz.
[13] Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть первая): утв. Законом Республики Узбекистан от 21.12.1995 г. // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 1996.
[14] Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017: Public Act 2017 No 7 (New Zealand) // New Zealand Legislation.
[15] Mohd. Salim v. State of Uttarakhand and others: Writ Petition (PIL) No. 126 of 2014: решение Высокого суда штата Уттаракханд (Индия) от 20 марта 2017 г. // International Environmental Law Research Centre.

Верховным судом Индии[16]. Похожая тенденция заметна и в отношении животных. В США раздел 408 Единообразного кодекса о трастах допускает трасты в пользу домашних животных[17], в Великобритании для этого используются «трасты несовершенного обязательства»[18], а раздел 90a Германского гражданского уложения устанавливает, что животные не являются вещами[19]. Однако все эти конструкции объединяет одно: ни река, ни животное не получают собственной воли. Их интересы осуществляются людьми через фидуциарные механизмы, и это лишь подтверждает антропоцентрическое ядро права.

Следовательно, ответ на поставленный вопрос следует искать не в отдельных примерах, а в самой конструкции правосубъектности, рассмотрев каждый из её элементов. Решающим оказывается анализ правосубъектности по её элементам. Правоспособность человека основана на самом факте его рождения и человеческой природы, что и закрепляет Всеобщая декларация[20]. У ИИ такого основания нет: его правоспособность могла бы существовать лишь как фикция, установленная законодателем. Дееспособность предполагает способность своими действиями приобретать и осуществлять права, а в авторском праве — волю к распоряжению произведением: к его отчуждению, лицензированию или передаче в общественное достояние. Алгоритм такой воли лишён, и любые его «действия» определяются создателями или пользователями. Наконец, третий элемент, деликтоспособность требует вины, то есть осознания противоправности своего поведения. Не обладая психикой и сознанием, ИИ не способен ни на умысел, ни на неосторожность и не может осознать, что нарушил чьи-либо авторские права.

IV. Обсуждение результатов.

Изложенное выше позволяет оценить два доктринальных подхода к «электронному лицу». Онтологический подход связывает правосубъектность с разумом, волей и биологической природой человека и потому отказывает ИИ в ней[21]. Инструментальный подход, напротив, исходит из того, что право само решает, каких участников наделять правами, руководствуясь общественной пользой. Его сторонники, в частности П.М. Морхат, допускают признание

[16] State of Uttarakhand v. Mohd. Salim: определение Верховного суда Индии от 7 июля 2017 г.
[17] Uniform Trust Code: Official Text with Comments / National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. – § 408.
[18] Wilde D. Trusts of imperfect obligation // Trusts & Trustees. – 2022. – Vol. 28. – No. 4. – P. 298–305.
[19] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – § 90a.
[20] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Lex.uz.
[21] Kostenko O.M., Bieliakov K.I., Tykhomyrov O.O., Aristova I.V. "Legal personality" of artificial intelligence: methodological problems of scientific reasoning by Ukrainian and EU experts // AI & Society. – 2024. – Vol. 39. – No. 4. – P. 1683–1693.

«электронного лица», если это способствует стабильности оборота[22]. Близкую идею высказывает О.А. Баранов, указывая на способность роботов самостоятельно оценивать действия других субъектов и принимать непредсказуемые решения[23]. Эта логика легла в основу резолюции Европейского парламента 2017 года о нормах гражданского права в сфере робототехники, предложившей исследовать возможность придания наиболее сложным автономным системам статуса «электронной личности», прежде всего для решения вопроса о возмещении причинённого ими вреда[24].

Вместе с тем эти предложения справедливо критикуются как порождение скорее техно-романтизма, чем реальной правовой необходимости. Даже в США законопроект «О будущем искусственного интеллекта» 2017 года, подчёркивая способность ИИ имитировать когнитивные функции, не предполагал наделять его самостоятельностью субъекта[25]. «Самообучение» системы, то есть математическая корректировка её параметров на основе данных, принципиально отличается от социализации человека. Социализация представляет собой процесс усвоения норм, ценностей и моделей поведения, в ходе которого формируются правосознание и способность отвечать перед обществом[26]. Наглядно это показало дело *Mata v. Avianca*, в котором адвокаты представили в суд подготовленные с помощью ChatGPT документы со ссылками на несуществующие судебные решения[27]. Система не осознавала, что создаёт ложные сведения, и вся ответственность легла на людей.

Главный же довод против инструментального подхода состоит в том, что фикция «электронного лица» ничего не добавляет к существующему регулированию. Недостаток дееспособности у человека, например, у несовершеннолетнего, восполняется законным представителем, но сам человек остаётся носителем прав. В случае ИИ все элементы правосубъектности пришлось бы целиком осуществлять людям, как это происходит с юридическим лицом. Однако за юридическим лицом всегда стоят учредители, отвечающие своим имуществом. «Электронное лицо» рискует превратиться в удобный щит, позволяющий разработчикам и пользователям переложить на систему

[22] Мохат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 61–64.
[23] Баранов О.А. Інтернет речей (IoT): робот зі штучним інтелектом у правовідносинах // Юридична Україна. – 2018. – № 5–6. – С. 75–95.
[24] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // European Parliament.
[25] Future of Artificial Intelligence Act of 2017, S. 2217, 115th Cong. (2017) // Congress.gov.
[26] Журавлева А.В., Куликова Ю. Искусственный интеллект как субъект права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 3. – С. 138–141.
[27] Use of ChatGPT for Research Leads to Bogus Cases, Sanctions // American Bar Association: Litigation News. – 2023.

ответственность, которую она нести не способна[28]. Неслучайно и в утилитарных моделях — пункт 3 статьи 9 британского CDPA[29] или деле *Tencent v. Yingxun*[30] — права на созданный машиной результат закрепляются не за системой, а за лицом, организовавшим его создание.

Заключение.

Проведённый анализ показывает, что ни история права, ни зарубежная практика, ни теоретическая конструкция правосубъектности не дают оснований для признания искусственного интеллекта субъектом права. Примеры наделения правосубъектностью нечеловеческих образований лишь подтверждают, что за любым субъектом права стоит воля человека. Категория цифровой личности, вопреки распространённому мнению, также свидетельствует не в пользу правосубъектности ИИ, а в пользу антропоцентризма права: даже в цифровой среде право ищет реального субъекта, обладающего волей, сознанием и ответственностью. Поэтому при оценке результатов, созданных с использованием нейронных сетей, следует исходить не из вопроса о том, создал ли их ИИ, а из вопроса о том, присутствует ли в них достаточный творческий вклад человека. В качестве направлений дальнейших исследований представляются важными распределение ответственности за вред, причинённый автономными системами, и правовой статус ИИ-агентов, действующих в гражданском обороте от имени человека.

Список использованной литературы:

1. Баранов О.А. Інтернет речей (IoT): робот зі штучним інтелектом у правовідносинах // Юридична Україна. – 2018. – № 5–6. – С. 75–95. – URL: https://yur-ukraine.com/wp-content/uploads/2019/06/yu_ukr_5-6_2018_vnutr_ok.pdf
2. Всемирная организация интеллектуальной собственности. The Artificial Inventor Project // WIPO Magazine. – 2020. – № 4. – URL: https://tind.wipo.int/record/45652
3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
4. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть первая): утв. Законом Республики Узбекистан от 21.12.1995 г. № 163-I. – URL: https://lex.uz/docs/111181

[28] Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята 41-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 23 ноября 2021 г. // UNESDOC: Цифровая библиотека ЮНЕСКО.
[29] Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK), s. 9(3) // Legislation.gov.uk.
[30] Shenzhen Tencent Computer System Co. v. Shanghai Yingxun Technology Co.: решение Народного суда района Наньшань г. Шэньчжэнь, (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010.

5. Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 512–527. – URL: https://journals.rudn.ru/law/article/viewFile/40933/23813
6. Журавлева А.В., Куликова Ю. Искусственный интеллект как субъект права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 3. – С. 138–141. – URL: https://online-science.ru/catalogs/yuridicheskie-nauki-3-2025-g-/
7. Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» от 20 июля 2006 г. № ЗРУ-42. – URL: https://lex.uz/docs/1023494
8. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» от 11 декабря 2003 года № 560-II. – URL: https://lex.uz/docs/82956
9. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 61–64. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yunit-iskusstvennogo-intellekta-kak-elektronnoe-litso
10. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход: в 3 т. / пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Вильямс, 2021.
11. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята 41-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 23 ноября 2021 г. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus
12. Brown R.D. Property ownership and the legal personhood of artificial intelligence // Information & Communications Technology Law. – 2021. – Vol. 30. – No. 2. – P. 208–234. – DOI: 10.1080/13600834.2020.1861714.
13. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – § 90a. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__90a.html
14. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62: decision of the Full Court of the Federal Court of Australia, 13 April 2022. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1646
15. Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK), s. 9(3). – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9
16. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html
17. Future of Artificial Intelligence Act of 2017, S. 2217, 115th Cong. (2017). – URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2217
18. Kostenko O.M., Bieliakov K.I., Tykhomyrov O.O., Aristova I.V. "Legal personality" of artificial intelligence: methodological problems of scientific reasoning

by Ukrainian and EU experts // AI & Society. – 2024. – Vol. 39. – No. 4. – P. 1683–1693. – DOI: 10.1007/s00146-023-01641-0.
19. McCarthy J., Minsky M., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. – August 31, 1955. – URL: http://jmc.stanford.edu/articles/dartmouth/dartmouth.pdf
20. Mohd. Salim v. State of Uttarakhand and others: Writ Petition (PIL) No. 126 of 2014: решение Высокого суда штата Уттаракханд (Индия) от 20 марта 2017 г. – URL: https://www.ielrc.org/content/e1704.pdf
21. Revised Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence: WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 Rev. – Женева: ВОИС, 2020. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ai_2_ge_20/wipo_ip_ai_2_ge_20_1_rev.pdf
22. Shenzhen Tencent Computer System Co. v. Shanghai Yingxun Technology Co.: решение Народного суда района Наньшань г. Шэньчжэнь, (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010. – URL: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010
23. State of Uttarakhand v. Mohd. Salim: определение Верховного суда Индии от 7 июля 2017 г. – URL: https://indiankanoon.org/doc/169363537/
24. Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017: Public Act 2017 No 7 (New Zealand). – URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html
25. Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879: decision of Federal Court of Australia, 30 July 2021. – URL: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879
26. Thaler v. Perlmutter, No. 23-5233 (D.C. Cir. Mar. 18, 2025). – URL: https://media.cadc.uscourts.gov/opinions/docs/2025/03/23-5233.pdf
27. Uniform Trust Code: Official Text with Comments / National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. – § 408. – URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=193ff839-7955-4846-8f3c-ce74ac23938d
28. Use of ChatGPT for Research Leads to Bogus Cases, Sanctions // American Bar Association: Litigation News. – 2023. – URL: https://www.americanbar.org/groups/litigation/resources/litigation-news/2023/use-chatgpt-research-bogus-cases-sanctions/
29. Wilde D. Trusts of imperfect obligation // Trusts & Trustees. – 2022. – Vol. 28. – No. 4. – P. 298–305. – DOI: 10.1093/tandt/ttac013.